
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 130.2

ПРОБЛЕМА ДИСКУРСНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ

И.Г. Дронова¹⁾
Е.А. Ножемякин²⁾

*¹⁾ Белгородский
государственный
университет*

*²⁾ Белгородский
государственный
университет*

Современное научное знание характеризуется проявлением интереса к проблеме социальной реальности как конституируемого элемента повседневной жизни индивида и сообщества. В данной статье, опираясь на философско-культурологические и социально-философские концепции (М.Вебер, Дж.Г.Мид, У.Джемс, А.Шюц, Г.Гарфинкель, М.Фуко), авторы предприняли попытку описания предпосылок социального конструктивизма в истории науки, а также методологических проблем теорий дискурсного конструирования социальной реальности.

Ключевые слова: социальная реальность, конструирование, дискурс, дискурсная практика, методология изучения социальной реальности.

В современной философии и культурологии социальная реальность понимается как достаточно сложный и многогранный феномен, изучение которого неизбежно сопряжено с рядом трудностей методологического характера. В контексте особой специфики социальной реальности как предмета научного исследования многие авторы полагают, что наиболее адекватными природе социальной реальности являются методы и понятийно-категориальный аппарат социальной философии и философии культуры. Именно эти две отрасли философского знания формируют наиболее общие представления о социальной реальности и тем самым выступают в роли общетеоретического основания её изучения. В настоящее время мы можем наблюдать тесную связь современных социально-гуманитарных наук с философской мыслью. Однако, указанные процессы получают как в отечественной, так и в зарубежной литературе весьма ограниченное освещение.

Данная статья посвящена изучению современного состояния и актуальной разработанности двух наиболее разработанных философских подходов к изучению социальной реальности – конструктивистского и дискурсного.

Осмысление социальной реальности как философской категории начинается в середине XIX века с работ О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса. В них определяется спе-

цифический статус социальной реальности и необходимость исследования социальной проблематики в отдельном контексте.

Обый интерес представляют теоретические направления, сложившиеся в европейской и американской социальной философии, философии культуры и социологии XIX и в XX вв. Концепции таких выдающихся мыслителей, как В. Дильтей, Г. Зиммель, М. Вебер, У. Джеймс, Дж. Дьюи, Э.Кассирер, Ч. Кули, У. Томас, Г. Мид, Г. Блумер, И. Гофман, А. Шюц, П. Бергер и Т. Лукман легли в основу формирования общеметодологического направления, которое часто обозначают как «социальный конструктивизм».

Первые истоки социального конструктивизма можно найти у М. Вебера, который рассматривал социальные образования не как самостоятельную социальную реальность, а, прежде всего, как производную от социальных действий индивидов. Согласно М. Веберу, действие человека обретает характер социального действия, если в нем присутствуют два момента: субъективная мотивация индивида, который вкладывает в свой акт определенный смысл, и ориентация на поведение других людей¹. М. Вебер прибегает к конструированию идеально-типической модели социального действия, которая является своеобразным методологическим средством, позволяющим анализировать социальные реалии.

Эти идеи получают развитие в работах У. Джеймса и Дж. Дьюи, которые являются представителями прагматизма, важнейшего направления американской социальной философии начала XX века. Именно прагматизм стал источником теоретических понятий и подходов, которые потом были восприняты У. Томасом, Дж. Г. Мидом, А. Шюцем, И. Гофманом². В прагматизме также лежат корни конструктивистского подхода к социальной реальности, которая трактуется с прагматической точки зрения как непрерывный творимый продукт повседневных взаимодействий, интерпретаций и реинтерпретаций.

У. Томас вошел в историю философской и социальной мысли, прежде всего, благодаря своей концепции «определения ситуации», в которой речь идет о «конструируемой» индивидом ситуации его собственного поведения. Всякой деятельности, как отмечает У. Томас, предшествует стадия рассмотрения и обдумывания, которую можно назвать определением ситуации. В действительности не только конкретные действия зависят от определения ситуации, но и весь образ жизни индивида. У. Томас выразил суть этой концепции в знаменитом афоризме, который его коллега Р. Мертон назвал «теоремой Томаса»: «Если ситуации определяются как реальные, они реальны по своим последствиям».

Дж. Г. Мид и его ученик Г. Блумер разработали концепцию символического интеракционизма. Согласно этому направлению «миров в себе» не существует, а есть лишь «миры», которые люди конструируют для себя и других. «Миры» состоят из «объектов», относительно которых можно иметь некое отношение и наделять их значением. Однако это значение для разных людей может быть различным³. Ключевая мысль Дж.Г. Мида состоит в том, что человек осваивает мир через символические значения. Согласно теоретическому положению Мида, личность и социальное действие конструируются с помощью символов, которые приобретаются в процессе социализации и взаимно подтверждаются и изменяются в процессе социального взаимодействия (интеракции) его участниками. Вследствие взаимного принятия ролей становится возможным коммуникативное понимание перспектив действия и ролей участников

¹ Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 31.

² Готлиб А.С. Введение в социологическое исследование. Качественные и количественные подходы. Методология. Исследование практики. – Самара: Самарский университет, 2002. – С.6.

³ Мид Г. Дж. От жеста к символу / Американская социологическая мысль – М.: МГУ, 1994. – С.218.

взаимодействия. Как отмечает А. Готлиб¹, антипозитивистский пафос символического интеракционизма состоит в том, что он трактует социальные роли не как раз и навсегда закрепленные образцы, которые индивид должен осваивать в процессе социализации, а ситуативно конструируемые, «схватываемые» в ситуации взаимодействия. Действующие лица ставят смысл и значение каждой роли в зависимость от личной оценки ситуации, специфических возможностей проявления роли в этой ситуации и от того, как определяют ситуацию ее участники. Дж. Г. Мид подчеркивает, что в своей основе коммуникация направлена не только на других, но и на самого субъекта: «Для возникновения идентичности необходимо, чтобы личность реагировала на саму себя. Отдельный человек до тех пор не является идентичностью в рефлексивном смысле этого термина, пока он не станет для себя объектом»². Благодаря коммуникации с самим собой индивид «тематизирует» себя, то есть он наблюдает себя глазами другого и судит о себе по реакциям других людей.

Концепция Дж. Г. Мида базируется на представлении об активной роли человека в формировании собственной жизни и жизни всего общества. «Интерпретирующий» активный человек символического интеракционизма противопоставляет «нормативному» человеку классической социальной методологии, в которой общество представляет собой жесткий распорядок жизни с его совокупностью правил, норм и ценностей. Как отметил Г. Блумер, общество есть деятельность. Опираясь на этот теоретический тезис, он подчеркивает, что активность, которая служит источником действия, исходит от человека. «Не важно, что понимается под культурой: обычаи, традиции, нормы, ценности, правила и тому подобное – это всегда производное от деятельности людей. Это относится и к социальной структуре, всем ее аспектам, выраженным в понятиях социальной позиции, статуса, роли, авторитета и престижа»³.

Широкие исследовательские возможности в области социального конструирования реальности открыли работы А. Шюца и, в частности, «Феноменология социального мира», где он определил способ, которым люди классифицируют и придают значение внешнему миру. Этот способ не является чисто индивидуальным процессом. Люди создают «типификации» – понятия, прилагаемые к классам вещей, вытекающие из опыта. Типификации не являются уникальными для каждого человека, они разделяются всеми членами общества. Однако, как полагал А. Шюц, «каждый индивид имеет уникальную биографию, и он интерпретирует и ощущает мир немножко иным образом, чем другие»⁴.

Идеи А. Шюца нашли продолжение в теории социального конструирования П. Бергера и Т. Лукмана. Исследователями была предпринята попытка построения феноменологической теории общества, основой которого являются «само собой разумеющиеся значения». Согласно социальному конструктивизму, intersubjective мир конструируется в процессе объективации субъективных смыслов⁵.

И. Гофман анализирует процессы конструирования социальной реальности на микроуровне. Он продемонстрировал, как объективная социальная реальность конструируется людьми постоянно и непрерывно в процессе сегодняшних, сиюминутных встреч и столкновений с другими. И. Гофман обращается к нормальным и привычным контекстам повседневных взаимодействий, вскрывая приемы и методы, которыми

¹ Готлиб А.С. Введение в социологическое исследование. Качественные и количественные подходы. Методология. Исследование практики. – Самара: Самарский университет, 2002.

² Мид Г. Дж. От жеста к символу / Американская социологическая мысль. – М.: МГУ, 1994. – С.224.

³ Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию.- СПб.: Алетейя, 1999. – С.53.

⁴ Ионин Л. Социология культуры. – М.: Логос, 1996. – С.96.

⁵ Бергер П., Лукманн Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., 1995. – С.31-32.

пользуются обычные люди, анализируя ситуацию своих встреч и столкновений с другими людьми и приводя их в соответствие с собственными представлениями об объективно должном, то есть о том, в какой именно объективной ситуации они находятся¹. Согласно И. Гофману, индивид при непосредственном взаимодействии действует таким образом, чтобы намеренно или ненамеренно самовыразиться, а другие должны получить впечатление о нем. Используя сценические аналогии и язык театра, ученого интересует, как в социальных ситуациях люди преподносят и воспринимают себя и как они координируют свои действия.

Как полагал Г. Гарфинкель, члены общества исходят из совместного запаса знаний. Само собой разумеющейся предпосылкой для всех участвующих в интеракции служит наличие вещей, «которые знает каждый». Они опосредствуются нами в процессе социализации, и мы применяем их как схему совместной реальности. Эта действительность, таким образом, постоянно конституируется. Она – реальность в процессе исполнения. Благодаря общему запасу знания взаимно выявляют смысл нашего действия. Это происходит не случайно, при этом в повседневности мы применяем, сознательно или бессознательно, определенные методы, которыми каждодневно конструируем этот мир совместно с другими. Так как эти методы типичны для общества или этнической группы, мы как само собой разумеющееся принимаем то, что мы понимаем других и доверяем тому, что другие также доверяют нам.

Г. Гарфинкель говорит, что мы конструируем совместную действительность друг для друга, в которой связь ценностей и норм устанавливается лишь нами. Социальная реальность непрерывно конструируется нами так, что она сама производит смысл².

Дж. Серль, рассматривая социальное конструирование реальности, полагает, что есть части реального мира, объективные факты о мире, которые являются фактами только в соответствии с человеческим соглашением. Есть вещи, которые существуют только потому, что мы полагаем, что они существуют. Любой социальный факт и любое социальное функционирование есть результат скорее коллективной, а не индивидуальной интенциональности (способность разума представлять объекты и состояния мира по другому, чем они есть сами по себе³). Как следствие – появление реальности, вписывающейся в определенные социальные границы. То есть реальность – это результат социального конструирования.

Если Дж. Серль говорит о фактах как об основе конструирования реальности, то С. Московичи полагает, что у человека нет иного способа общения с внешним миром, чем с помощью уже существующих и вновь создаваемых представлений. Представления – это та социальная призма, через которую воспринимается (предстает) реальность. Отношения с миром окрашены двоякой спецификой социальных представлений: они «обуславливают опыт», события и людей, с которыми соприкасаются, и «предписывают», что и как именно надлежит мыслить. Под обуславливанием С. Московичи имеет в виду способность представлений включать объекты в систему существующих социальных конвенций, которые заставляют нас интерпретировать вещи и события так, а не иначе. Предписательность социальных представлений, т.е. их способность «навязывать себя с неистребимой силой», связана с когнитивной организацией человека, во-первых (т.е. с существующими ментальными структурами и механизмами), и с социально-культурной традицией, во-вторых.

Мы можем видеть, что социальные представления – это не только конституирующие элементы обыденного знания, но и строительные блоки социальной реаль-

¹ Ковалев А. Книга Ирвинга Гофмана «Представление себя другим в повседневной жизни» и социологическая традиция / Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.

² Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий. Постановка проблемы // Социологическое обозрение. – Т.2. – №1, 2002.

³ Серль Дж. Конструирование социальной реальности – М., 1999.

ности. Превращение «представленного» в «реальное» – это сложный процесс, в котором участвуют как когнитивные механизмы, так и социальная коммуникация.

Итак, конструктивистская перспектива изучения социальной реальности предполагает, что человеческое познание представляет собой не столько отражение объективно существующего мира, сколько его создание. Это означает, что распространенные и закрепленные в определенной культуре способы познания мира условны и являются результатом взаимодействия между людьми в повседневной жизни. С конструктивистской точки зрения, взаимодействие между людьми имеет место не столько в предметном мире (в реальности природных объектов), сколько в символической реальности и представляет собой практику конституирования определенного предметного поля, а также производства, воспроизводства и структурирования социальных значений. Социальный мир конструируется в языковых практиках, а не отражается и не опосредуется в них.

Наше знание о социальном мире и наши социальные действия не предопределены «изначально» существованием самого мира, а, напротив, является результатом и процессом «обсуждения» мира, «который выглядит реальным или истинным для говорящего»¹. С этих позиций исследовательские акценты ставятся на дискурсе как специфичном процессе использования языка в социальных практиках, которое нацелено на выработку социального знания; можно сказать, что дискурс есть процесс «обговаривания» социального мира, результатом которого является знание.

Ключевой категорией социально-конструктивистской модели дискурса является «порядок дискурса», содержание которой сводится к сложной комбинации структур значения, способов их конструирования и выражения в определенной социальной области, при этом структуры значения имеют отношение к когнитивному аспекту дискурса, а способы их конструирования и выражения – к коммуникативному. То, что связывает оба плана дискурса – это социальная область, целостность и гомогенность которой поддерживается за счет коллективного представления о ней как о целостной и гомогенной.

Социальный конструктивизм настаивает на выделении четырех базовых параметров, которые способны зафиксировать «порядок дискурса»: «аспекты мира» (или – предметная область дискурса), приобретающие определенный смысл в дискурсной практике; «способы означивания» (или – когнитивно-семиотические механизмы дискурсной практики); «точки напряжения» (границы дискурсных практик, сегменты дискурса, в которых возникает конфликт знаний, представлений, убеждений); *убеждения*.

В режиме дискурса выделяются фрагменты реальности, в нем же происходит оценивание, структурирование и переструктурирование реальности, расстановка и смещение акцентов, описывается допустимое и недопустимое поведение, фиксируются основные аксиологические установки, etc. В дискурсе моделируется структура и модус действия. Социальные дискуссии на определенные темы, определение значимых тематических аспектов, применение специфичных логических и аргументативных «ходов», создание определенной коммуникативной среды – все это конструирует определенную модальность реальности. Поле коллективного мышления и говорения формирует представление (а часто – иллюзии) того, что описываемое положение вещей есть единственно возможный и допустимый порядок, и как следствие – это ведет к воспроизводству такого положения вещей с таким порядком. Главной особенностью дискурса является не только и не столько сообщение о чем-либо, не семиотическое «отражение» объективности, сколько конструирование социальных смыслов и создание алгоритма социальных действий. Так, *чтобы описать, понять и объяснить организацию жизни той или иной общности, в определенном смысле достаточно диагностировать дискурс этой общности*.

Дискурс, помимо прочего, включает в себя совокупность общих допущений, которые могут быть настолько приняты в качестве само собой разумеющихся, что стано-

¹ Филипс Л., Йоргенсен М. Дискурс-анализ: теория и метод. – Харьков, 2004.

вятся ненаблюдаемыми или присвоенными. Дискурсные правила делают возможным и поддерживают производство знания, а также конституируют одни способы размышления о реальности и исключают другие. Таким образом они детерминируют, *кто* может говорить, *когда* и с *каким авторитетом* и наоборот, кто не имеет на это права. Анализируя дискурсивные эффекты, исследователь отвечает на такие вопросы, как «в соответствии с какими правилами возможны те или иные высказывания?», «в соответствии с какими правилами упорядочиваются эти высказывания?», «в соответствии с какими правилами мы определяем высказывания как истинные или ложные?», «какие правила применяются для конструирования картин мира или классификационных систем?».

Исследование дискурсного конструирования социальной реальности сопряжено с рядом наиболее характерных методологических проблем, к которым, на наш взгляд, относятся следующие.

Во-первых, дискурс-анализ предполагает больше, чем просто анализ содержания текстов с точки зрения их синтаксической, семантической и прочих структур. Скорее, дискурс-анализ направлен на изучение того, как конструируются сами тексты и фиксируются их значения в аспекте их социальной и исторической ситуативности с целью выявления принципов построения знания в той или иной культуре. Дискурс-анализ как исследовательский проект основан на следующем важном допущении: язык не может рассматриваться как прозрачное или ценностно-нейтральное явление. Даже если мы подвергаем анализу естественный язык, то нам становится очевидным, что он также может не иметь универсальных значений, но представляет собой совокупность частных значений, приписанных как адресантом, так и адресатом в соответствии с ситуацией, в которой язык используется. Методологической проблемой, возникающей в данном случае, является следующая: *что считать аутентичным смыслом высказываний в дискурсе – инварианты, которые содержатся в прецедентных текстах, в интенциях автора, в ожиданиях и коммуникативной компетенции адресата или в порядке самого дискурса?*

Во-вторых, дискурсное исследование ориентируется не только на изучение «концептуального аппарата» (характерного языка, тематики, текстов и т.д.) дискурса, но и на анализ границ дискурсного поля, т.е. зоны ограниченного понимания или полного непонимания. Фактически анализ дискурсных пределов понимания предполагает обнаружение пространств, в которых заканчивается одна картина мира и начинается другая или где обнаруживается их уникальный симбиоз. Эти пространства характеризуются своеобразным «смысловым разломом»; это те области человеческой деятельности, в которых привычное, нормальное и понятное перестает быть таковым. Фактически речь в данном случае идет о границах дискурса: там, где заканчивается один дискурс, начинается другой с его иерархией смыслов и значений, с его правилами «сцепления высказываний», с его условиями воспроизводства текстов и конструирования социальной реальности. Принципиальным вопросом в данном случае является следующий: *через изучение каких параметров и их индикаторов мы можем зафиксировать «предел дискурса», то есть обнаружить его границу?*

В-третьих, дискурс-анализ подразумевает также исследование силового характера дискурса, дискурсной практики и дискурсной формации, то есть той принудительной силы, которая обозначалась Мишелем Фуко как связка «власть-знание». Попадание в определенное дискурсивное пространство означает для субъектов подчинение определенным правилам речемыслительной деятельности. В связи с этим возникает еще одна важнейшая методологическая проблема дискурсного исследования: *как следует интерпретировать позицию субъекта в дискурсе – как творчески активную (генеративно-агентивную) или как зависимую и производную (подчинительно-конструируемую)? И в связи с этим – как следует интерпретировать сам дискурс – как генеративное или как инструментальное образование?*

В-четвертых, способ, которым текст репрезентирует реальность, а также понимание как эффект текста заслуживает не меньшего исследовательского внимания, чем

то, **что** описывает текст. Существует динамическая связь между текстом и контекстом, в котором производится текст. Тексты как создают контекст, так и создаются контекстом. В любой конкретный момент времени количество возможных образов реальности гораздо больше, нежели один «аутентичный» и «правильный» текст. Дискурс-анализ рассматривает тексты в их социальном, культурном, политическом и историческом контекстах. Тексты также анализируются для того, чтобы обнаружить несказанное и невысказанные допущения, имплицитно пребывающие в них и придающие высказываниям саму форму. Иными словами, ключевой методологической проблемой является *вопрос об условиях – культурных, социальных, языковых и прочих – производства текстов.*

В заключении отметим, что теоретический базис социального конструктивизма не исчерпывается представленными идеями и методологическими позициями, но является той базой, на которой сегодня строятся теории дискурсного конструирования социальной реальности.

Список литературы

1. Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию. – СПб.: Алетейя, 1999.
2. Бергер П., Лукманн Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., 1995.
3. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990.
4. Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий. Постановка проблемы // Социологическое обозрение. – 2002. – Т.2, №1.
5. Готлиб А.С. Введение в социологическое исследование. Качественные и количественные подходы. Методология. Исследование практики. – Самара: Самарский университет, 2002.
6. Ковалев А. Книга Ирвинга Гофмана «Представление себя другим в повседневной жизни» и социологическая традиция / Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.
7. Ионин Л. Социология культуры. – М.: Логос, 1996.
8. Мид Г. Дж. От жеста к символу / Американская социологическая мысль. – М.: МГУ, 1994.
9. Серль Дж. Конструирование социальной реальности. – М., 1999.
10. Фуко М. Археология знания. – СПб., 2004.
11. Филипс Л., Йоргенсен М. Дискурс-анализ: теория и метод. – Харьков, 2004.

PROBLEM OF DISCURSIVE CONSTRUCTION OF SOCIAL REALITY: ISSUES IN HISTORY OF PHILOSOPHY

I.G. Dronova¹⁾

E.A. Kozhemyakin²⁾

¹⁾Belgorod State University

²⁾Belgorod State University

What the modern science's numerous interests concern is the problem of social reality as a constructed element of everyday life of individuals and societies. Basing on philosophical, culturological and sociophilosophical conceptions, the paper shows the attempt of description of background of social constructivism in the history of science and also it deals with methodological issues of theories of discursive construction of reality.

Key words: social reality, construction, discourse, discourse practice, methodology of social reality studies.